

Глава 13. В поисках свахи

После завтрака дед с бабушкой, словно куры-наседки, снова заперлись в своей комнате. Обычно после еды они выходили на прогулку: либо посидеть под деревом у околицы и поболтать с соседями, либо отправиться в город. В их отсутствие Е Чжэнкуню и Ши Пулю было спокойнее. Что до Цзинь Лань, то ей тоже ничего не оставалось, как сидеть дома. После вчерашнего позора она опозорилась на всю деревню.

Позавтракав, Е Ишу сказал матери, что уходит. Ему нужно было сходить в деревню Шанчжу, чтобы узнать, на месте ли лекарь. Не стоило тащить мать в такую даль понапрасну.

После ухода Е Ишу Доумяо тоже отправился на улицу к своим друзьям. Но на этот раз не играть, а собирать корм для свиней. Несколько ребятешек с огромными, больше их самих, корзинами за спиной и серпами в руках разбрелись в поисках съедобной для свиней травы. На какое-то время в доме Е воцарилась тишина.

Тем временем староста, получив сверху распоряжение о сборе осеннего налога, обошёл все дворы, сверился со своим списком и начал собирать зерно. Е Чжэнкунь ушёл платить налог, и на кухне осталась одна Ши Пулю.

Она молча стояла у печи и мыла посуду. Мысль о том, что её сын, как и она сама, долго не сможет вступить в брак, вызвала у неё приступ тоски. Слезы, словно жемчужины, посыпались из глаз. Она прикусила губу, пытаясь сдержаться, но сын был для неё дороже всего на свете. Малейшая его обида лишала её сна и аппетита. А сейчас, когда речь зашла о его будущем, о браке, её сердце будто резали ножом.

Она кусала губы добела, но в конце концов бросила посуду и, опустившись на корточки, закрыла лицо руками и зарыдала в голос. С неё хватит унижений, она не позволит, чтобы и её сын страдал. Но даже плача, она не смела издавать громких рыданий.

Когда Е Чжэнкунь вернулся, он увидел жену, сжавшуюся у печи. Её худенькие плечи дрожали. Сквозь сдавленные рыдания доносились обрывки фраз: «Сынок, мама виновата перед тобой». Он сразу понял, о чём она думает. Сердце его сжалось от боли. Это он во всём виноват, это из-за его бессилия страдают его жена и сын.

Он подошёл и присел рядом с ней.

— Жена... — тихо позвал он.

Ши Пулю вздрогнула и подняла заплаканное лицо. Е Чжэнкунь рукавом вытер её слёзы и поправил волосы. Ши Пулю, найдя опору, уткнулась мужу в грудь и разрыдалась ещё горше.

— Как же так, как же так! — причитала она. — Ему уже восемнадцать, а она хочет, чтобы он

ещё несколько лет оставался незамужним... Может, она хочет, чтобы он состарился и не сможет выйти замуж?! Я не допущу этого, умру, но не позволю так унижать моего сына.

Е Чжэнкунь обнял жену за плечи и, растерянно поглаживая её по спине, проговорил:

— Хорошо, хорошо, мы не позволим его унижать. Не позволим.

На его простодушном лице мелькнула тень решимости, а взгляд стал твёрдым.

— Мы... мы сами найдём сваху.

Ши Пулю резко подняла голову, её заплаканные глаза расширились.

— Ты серьёзно?

Е Чжэнкунь сглотнул и, взяв жену за руку, твёрдо сказал:

— Серьёзно. Мы сами найдём сваху.

— Но... но у нас нет денег...

Главным доходом семьи было зерно. Хоть её муж и работал больше всех, но после уплаты налогов и откладывания запасов на зиму, все вырученные от продажи излишков деньги забирала Ли Сынян. У них с мужем оставались лишь те гроши, что он зарабатывал на стороне зимой. Но из-за её слабого здоровья и частых болезней и этих денег почти не оставалось.

— О деньгах я позабочусь, — решительно сказал Е Чжэнкунь.

В глазах Ши Пулю зажглась надежда. Она крепко сжала руку мужа и прошептала:

— Хорошо, хорошо! Мы сами найдём сваху.

Семья Е ещё не делилась, и главой в ней, естественно, была Ли Сынян. Если младшие пойдут против её воли, то, прикрывшись сыновней почтительностью, она легко сможет их подавить. Е Чжэнкуню и Ши Пулю придётся нелегко. Но ради сына они уже не в первый раз шли против воли Ли Сынян. Материнство делает женщину сильной, а отцовство — смелым. Только ради Е Ишу и Доумяо они могли проявить твёрдость. Но чего им это стоило, знали только они сами.

Придя к согласию, Ши Пулю вытерла слёзы и улыблась. Выплеснув эмоции, она почувствовала облегчение. Увидев, что муж стоит в задумчивости, она с тревогой спросила:

— Ты боишься, что мать узнает?

Е Чжэнкунь покачал головой.

— Нет, я думаю, какую сваху лучше найти.

Услышав это, Ши Пулю улыбнулась. У неё были тонкие черты лица, но от тяжёлой работы она выглядела старше своих лет. Е Чжэнкунь, увидев её улыбку, тоже глупо заулыбался. Они полюбили друг друга с первого взгляда и вот уже почти двадцать лет поддерживали друг друга.

Ши Пулю, покраснев от его взгляда, шлёпнула его по руке.

— Вечером всё обсудим. А сейчас иди почини крышу в комнате сына, вчера ночью там протекало прямо над кроватью.

— Да, сейчас пойду! — услышав это, Е Чжэнкунь тут же перестал улыбаться и поспешил посмотреть.

Определив место протечки, он принёс свежей соломы, собранной в этом году. Выбрав лучшую, он приставил лестницу и полез на крышу. С крыши было видно далеко. Он как раз раскладывал солому, когда заметил красную фигуру. Кто же это, как не его сын.

— Почему так быстро вернулся? — спросил он.

— По дороге встретил человека, который только что был в деревне Шанчжу, сказал, что лекаря нет, — ответил Е Ишу.

Е Чжэнкунь сбросил прогнившую солому вниз и сказал:

— Твоя мать пьёт лекарства, которые ты принёс, так что пара дней ничего не решит.

— Угу, — Е Ишу вошёл во двор и, подняв голову, крикнул отцу: — Папа, я тебе помогу.

— Какое там помогу, подавай мне снизу солому, — нахмурился Е Чжэнкунь.

— Лишние знания не помешают, — пошутил Е Ишу.

— Какой гээр сам себе крышу кроет? — серьёзно спросил Е Чжэнкунь.

— А какой гээр, по-твоему, в охотники идёт? — парировал Е Ишу.

Е Чжэнкунь, не найдя, что ответить, сердито продолжил срывать старую солому с крыши. Он работал с такой силой, что во все стороны летели ошметки. Е Ишу усмехнулся и, взяв длинный бамбуковый шест, стал подавать отцу связанные снопы соломы.

Отец и сын провозились всё утро, полностью перекрыв крышу над восточной пристройкой. Что до центральной комнаты и западной пристройки — пусть сами разбираются. Е Чжэнкунь спустился с лестницы и отряхнул руки. Он всё ещё злился на своих родителей.

В полдень ещё можно было поесть, так что Е Ишу, набив живот, решил проверить силки в горах. Время было позднее, и он не собирался ночевать в лесу, поэтому, заткнув за пояс топор, отправился в горы.

Жители деревни часто бывали на окраине леса, поэтому Е Ишу ставил силки глубже. Он продолжал идти вглубь, сначала незаметно проверил свой тайник с деньгами и, убедившись, что всё на месте, свернул к силкам.

Чем дальше в горы, тем гуще становились заросли кустарника и деревьев. Обычный человек здесь и шагу бы не ступил. Лес был усыпан сухими листьями, и то и дело на пути попадались поваленные деревья. Те, что годились на дрова, Е Ишу рубил и складывал в кучу, чтобы забрать на обратном пути.

Вдруг с ветки прямо на него метнулась зелёная змея. Е Ишу, резко сузив зрачки, одним взмахом руки схватил её за загривок. Хвост змеи тут же обвился вокруг его руки. От скользкого прикосновения по коже Е Ишу пробежали мурашки. Больше всего на свете он не любил этих тварей.

Запястье сдавило. Он сжал руку, раздался хруст, и голова змеи безвольно повисла. Е Ишу связал её травинкой и повесил на топор. Сама напросилась, грех не взять.

Пройдя мимо первого силка — пусто — он пошёл дальше. Невдалеке послышался собачий лай. Тоненький, тьяканье щенка. Е Ишу заинтересовался и, свернув на звук, вытащил из какой-то норы, вырытой диким зверем, пухлого жёлтого щенка. Жёлтый, с белой мордочкой — хорошая собака.

Е Ишу взял щенка за шкуру, отряхнул с него грязь и, прижав к себе, сказал:

— Теперь ты будешь со мной. Будешь есть до отвала, найдём тебе... — Е Ишу запнулся, раздвинул щенку задние лапы и, увидев, что это сучка, закончил: — ...собачьего мужа, родишь кучу щенят.

Проговорив это, он сам рассмеялся. Е Ишу погладил пушистого малыша, не в силах с ним

расстаться.

— Не знаю, какой бессердечный притащил такого кроху в горы. Как думаешь, А-Хуан?

Так, между делом, он дал щенку имя и в хорошем настроении пошёл дальше, к остальным силкам. Щенок, устав сидеть на руках, бежал за ним, виляя хвостом.

Вдруг сзади послышался шорох. Е Ишу замер и, нахмурившись, схватился за топор на поясе.

В глазах человека, стоявшего позади, предстала следующая картина: гээр в красной одежде, штанины заправлены в кожаные сапоги, подчёркивающие стройность ног. Тёмные волосы собраны в высокий хвост, красная лента покачивается в такт ходьбе. Тонкая талия, перехваченная поясом, на котором висит топор с болтающейся на нём змеей. Он шёл по лесу, как по ровной дороге, — уверенно и дерзко.

А за ним семенил пухлый щенок, виляя хвостом. Эта картина вызвала у пришедшего невольную улыбку. Он уже хотел было окликнуть его, но гээр внезапно обернулся. Край его одежды взметнулся, как зонг, и в следующую секунду раздался глухой удар.

Спина заболела. Подняв глаза, он увидел, что его прижимают к стволу дерева, а у горла — топор с всё ещё висящей на нём мёртвой змеей.

Сун Чжэньцзинь слегка откинул голову. Грудь его была придавлена локтем гээр.

— Это я, — сказал он.

Е Ишу с подозрением уставился на него.

— Зачем ты за мной шёл?

Они стояли очень близко, и Сун Чжэньцзинь почти чувствовал лёгкий аромат, исходящий от гээр. Он неловко опустил взгляд и, посмотрев на щенка у своих ног, сказал с едва заметной скованностью в голосе:

— Это моя собака. Я пришёл за ней.

Е Ишу движением ноги подцепил щенка. Тот, оперевшись передними лапами на его сапог, невинно смотрел на них.

— Гав, — твякнул он, радостно виляя хвостом.

— Как докажешь? — спросил Е Ишу.

Сун Чжэньцзинь подумал и позвал:

— А-Хуан.

Щенок в ответ вцепился в сапог Е Ишу и принялся мотать головой. Доктор Сун, чьё имя собака проигнорировала, почувствовал себя неловко. Он смущённо улыбнулся Е Ишу и позвал ещё раз. Только тогда щенок подбежал к нему, радостно скуля и кружась у ног.

Е Ишу убрал руку и со строгим лицом сказал:

— В следующий раз не подкрадывайся к людям сзади.

— Прости, я не успел тебя окликнуть, — в глазах Сун Чжэньцзиня промелькнула мягкость, а голос его был спокоен и размерен. Но если присмотреться, можно было заметить, что мочки его ушей покраснели.

Е Ишу этого не заметил, но подумал, что такое поведение вполне соответствует его представлению о лекаре.

— Я сегодня утром ходил в деревню Шанчжу, искал тебя, но мне сказали, что тебя нет.

Сун Чжэньцзинь отступил на шаг, чтобы увеличить дистанцию, и, избегая взгляда гээр, сказал:

— Я ходил в горы за травами.

— Ты сейчас свободен? — настойчиво спросил Е Ишу.

Сун Чжэньцзинь посмотрел на свою корзину с травами.

— Почти.

— Тогда не мог бы ты, доктор Сун, спуститься со мной с горы? — торопливо спросил Е Ишу, боясь, что тот убежит.

Сун Чжэньцзинь, видя его опасения, смягчился.

— Сегодня уже поздно. Может, завтра? У меня закончились травы, а завтра как раз ярмарка в городе, мне нужно за ними съездить.

<http://bllate.org/book/13660/1583193>